

ПРОЗА

О ЛЮБВИ

И БОЛИ

А Л Е К С А Н Д Р
С Н Е Г И Р Ё В

*Я намерен
хорошо
провести
этот вечер*

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении переплета использована репродукция картины «Прозерпина» (1882 г.) художника Данте Габриэль Россетти (1828–1882 гг.)

Снегирёв, Александр.

С53 Я намерен хорошо провести этот вечер / Александр Снегирёв. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Александр Снегирёв: Проза о любви и боли).

ISBN 978-5-699-87140-7

Он мечтал о счастье. И всё его обещало: и вёдра с нарциссами на стойке бара, и острый запах прелести, наглости, ранимости, разлитый в клубе, и пара-тройка «лонг-айлендов», и чувство уверенности, что любит и любим той единственной, которая сейчас далеко. Он мечтал... Но только апреля в сердце не было. Как не было ощущения, что по-прежнему юн. Как не было веры, что любовь настоящая. Чтобы заглушить острую боль несвершившегося и утраченного, он решил, что просто хочет хорошо провести этот вечер...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87140-7

© Снегирёв А., текст, 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

ВЫБОРЫ

С восьми утра до восьми вечера все порядочные люди осуществляют в этот день свое волеизъявление. Я зарабатываю деньги на карманные расходы — работаю наблюдателем от одной крупной партии на избирательном участке № 4.

Делать мне особенно нечего. Иногда звоню в штаб партии и сообщаю процент проголосовавших. В остальное время сижу и читаю роман Фриша «Назову себя Гантенбайн». Больше всего мне нравится сцена, где герой ездит на «Порше» по швейцарским горным дорогам. Я бы и сам не прочь прокатиться на таком автомобиле по захватывающему серпантину.

Рядом маются другие наблюдатели: бабуся от коммунистов и дяденька неизвестно от кого. Дяденька непрерывно жует, а рот у него как у американского актера Тома Беренджера, четко очерченный и порочный. На

этом сходство с Беренджером заканчивается. Он то и дело вскакивает и помогает избирателям запихивать бюллетени в щели. Будто они сами не справятся. Когда дяденька вскакивает, то желтый пакетик с провизией зажимает между коленками. То жует, то пакетик зажимает. Одна из бабусь ковыряет ногти, другая, в пуховой накидке, читает газету с полуголой бабой на обложке. Выборы проходят спокойно.

В четыре часа пополудни происходит инцидент. В помещение врывается разгоряченная блондинка и требует разрешения проголосовать за свою бабушку. Бабуля, мол, приболела, находится в больнице и сама явиться не может. Блондинке, понятное дело, не разрешают. Она настаивает. Ей все равно не разрешают. Тут она краснеет вся, надувается, будто тотчас лопнет, и начинает реветь. Эта блондинка училась в моей школе несколькими годами старше меня. Я ее помню. У нее всегда пуговицы на блузке почти отскакивали, такая грудь здоровая.

После того как блондинка уходит, оглашая рыданиями округу, и страсти успокаиваются, меня вызывают контролировать голосование на дому. Парень из комиссии берет маленькую

урну, и мы отправляемся по адресам больных и немощных в ближайшие дома. В первой квартире нас встречает явная симулянтка. Сидит эдакая толстуха и смотрит телек на кухне. Типа сама прийти не могла. Затем следует пахнувшая лекарствами, недавно прооперированная старушка. Ее сменяет бородатый дядька с тощей женой. Вся его квартира до потолка завалена геологической литературой. Наверное, он геолог. Представляю, как после его кончины наследники забьют мусорные баки доверху всей этой геологией. А пока он весьма бодренький и, почувствовав наше недоверие, принялся втирать про какие-то уколы. Одно расстройство с этим геологом. Мало того что он нас задерживает, так еще в подъезде на нас орет консьержка с высокой прической а-ля Екатерина Великая.

В завершение похода нам открываются две живописные квартирki. Первая – жутко вонючая, со слепой пенсионеркой. Кроме нее в помещении находятся ее бородатый сын и внук. Ну и воняет же у них. Мало того что пенсионерка лежащая, так они еще кошек вздумали разводить. Пока я сижу в инвалидном кресле с дыркой для горшка и терпеливо даю пояснения, бородатый успевает обозвать

одну из кандидаток проституткой, а уважаемого политика — старым пердуном. Минут через двадцать заботливые дети и внуки наконец втолковывают слепой старухе, кто есть кто, и ставят галочку (там ли, где сказала бабуся, или нет, я не вижу), и мы отправляемся дальше.

На десерт достается усталая мамаша, которая сразу же исчезает за поворотом коридора, бросая на ходу «сейчас разбужу». Будит она, как выясняется, сына. Сын по паспорту осетин, а по виду наркоман. Худющий — ужас. Не пойму, чего он сам не пришел? Наверное, мама из дому не выпускает.

Вернувшись на участок, мы передаем урну председателю счетной комиссии, и я жду конца голосования. Бьет восемь, двери закрываются, и я сломя голову несусь в буфет, где минут за пять съедаю тысячу бутербродов с сыром и с чем-то коричневым. Пока у меня набит рот, сухая гримза из комиссии объясняет мне про пользу черного чая и про то, как она его фигачит целыми литрами по утрам натошак из пиалы. В слове «пиала» гримза упорно ставит ударение на последнюю гласную. Получается «пиалА». Короче, через пять минут я бегу прочь из буфета подальше от этой чайной фанатки с ее «пиалОй».

Дяденька с губами Тома Беренджера перестает зажимать ногами пакетик и оказывается весьма милым. Мы с ним болтаем даже о чем-то. Положительный чувак, только пахнет от него странно, возрастом, что ли. Бывает, от пожилых мужиков с пакетиками пахнет чем-то особенным. Не то чтобы неприятно, но вдыхать не хочется.

Пока идет подсчет голосов, я таращу глаза. Мне хочется спать. Мой взгляд постоянно натывается на огромные глаза дамочки с пиаλόй. Глаза у нее величиной с очки, а очки приобретены, видимо, еще во времена диско. Тогда было модно носить громадные. Она наверняка одинока. Не нашелся еще герой, готовый заглянуть в эти глаза.

Тем временем один мужчина из комиссии, сжимая кулачки, шипящим шепотом доказывает бледно-зеленой даме правоту своего варианта подсчета голосов. Мужчина походит на паука: уши без мочек, зубы маленькие, а волосы мышинные и скорее даже пух, а не волосы. Еще у него виднеются трусы. То есть не сами трусы, а их, трусов, очертания, проглядывающие сквозь брюки, обтягивающие зад. Трусы как у женщин. Врезаются в попу и подбирают яйца. Свободы никакой, одна

скованность. Не доверяю я людям в таких трусах.

Начинается подсчет. Бабульки от коммунистов спорят, почему их партия очевидно проигрывает. Они сходятся на мысли, что был, мол, план наступать сетью. Проще говоря, партия раскололась. А бабушки переживают, говорят, «товарищи недосмотрели».

Подсчет голосов близится к концу. С председательшей истерика. Наверное, от усталости. Она то хохочет, то рыдает. Выглядит это не очень: сами понимаете, слушать от молодой дамы «гы-гы-гы» и «я больше не могу» в половине второго ночи не самое приятное занятие.

Потихоньку все становятся бледно-желтыми, а мужики вдобавок щетинистыми, кроме самых нежных, с пунцово-розовыми щечками. Я смотрю по сторонам и думаю, что было бы клево тут крутить кино. И места достаточно, и есть где экран повесить.

Свое дело члены комиссии завершают к трем утра. Я с заверенными протоколами под мышкой направляюсь в штаб. Он располагается неподалеку, в десяти минутах ходьбы. В штабе перед телевизором скучает дежурный, а на стене, ничего не боясь, сидит

крупный таракан размером с молоденькую лягушку.

Я всем доволен. Опыт, который я приобрел, и полученные впечатления обогатили мой внутренний мир, а растворимого кофе и печений «Юбилейное» я проглотил на одну-две жизни вперед.

В БАКУ

Летом 1988 года Валя Н. сопровождала группу иностранных студентов в поездке по Азербайджану. Валя Н. и моя мама были большими подругами. Валя Н. предложила моим родителям отправиться в это путешествие в составе группы. Время было бедное, путевки являлись дефицитом, и такой возможностью грех было не воспользоваться. Родители согласились и прихватили меня.

В Азербайджане мы видели много интересных вещей: Девичью башню в Баку с отметками, где раньше был уровень воды, качающие нефть машины с переваливающейся перекладиной, похожей на полоток. Мы ехали девять часов по пустыне и срывали плоды гранатового дерева прямо у дороги. В рыбноводческом колхозе нам показали пруды с бетонными берегами, кишасщие форелью, а одна рыба даже цапнула за палец служителя, который кидал ей корм. На пальце выступила кровь, все ах-

нули, а служитель радостно улыбался. Мы видели нашего экскурсовода, волосатого толстяка, который рано утром купался в бассейне голым. Мы видели пятки латиноамериканского студента, с сине-зелеными точками — он валялся в постели с однокурсницей, сказавшись больным, а Валя Н. строго тащила их на очередную экскурсию.

Я помню, как в гостинице «Апшерон» отключили воду и по всем этажам тотчас распространилась жуткая вонь. Помню, как на торжественном приеме в ресторане «Гелюстан» я перепутал щедро украшенный кусок мясного паштета с тортом, сунул в рот и, не почувствовав сладкого вкуса, ужасно застеснялся, будто все вокруг в этот момент только и думали о том, что я перепутал паштет с тортом. Помню, как в другом ресторане, в горах, я стукнулся лбом о стеклянную стену — я ее не заметил — и очень сконфузился от того, что раздался звон, подобный колокольному, и что красивая студентка из Гватемалы, к которой я испытывал тайную симпатию, бросилась меня жалеть. Помню, в той поездке папа прочел мне вслух всю «Капитанскую дочку». Помню торжественное возложение венков к памятнику двадцати шести бакинским комиссарам.

Я шел рядом со взрослыми, старательно замедляя шаг, и представлял себя выжившим в боях героем, который пришел помянуть погибших товарищей. Были еще храм огнепоклонников с черными дырками потухших «вечных» огней, и темные приморские вечера с катанием на простеньких каруселях, и чайхана со стаканчиками, формой повторяющими узкие талии и широкие бедра танцовщиц, и базар, не уступающий многим музеям, с залами зелени и овощей, галереями специй, чертогами куриных тел и бараньих ребер. Однако рассказ мой не об этом.

Во время очередной прогулки по городу я захотел писать. На счастье, неподалеку оказался железобетонный общественный туалет, очень похожий на фашистские оборонительные дзоты, какие я видел в Нормандии спустя много лет. Тогда, в Баку, я еще не знал об этой зловещей параллели и послушался маму, которая подвела меня к «дзоту» с той стороны, где над входным проемом проглядывался мужской опознавательный знак. Мама подпихнула меня, и я с яркого каспийского солнца нырнул в крошечную тьму.

Когда мои глаза, первоклассника московской спецшколы с углубленным изучением

французского языка, привыкли к темноте, я различил следующее. Плесень и нечистоты делали помещение, в котором я оказался, весьма живописным. Вдоль стен зияли пробитые в полу дыры. Они походили на дыры в храме огнепоклонников, только крупнее. Края дыр украшали какашки разной давности, судя по степени их разложения. Отдельные какашки в беспорядке были разбросаны по полу. Над большею частью дыр на корточках кавказским полукругом сидели молчаливые усачи с мрачными лицами в пиджаках и кепках диаметром с канализационный люк. В Баку повсюду можно было наблюдать таких усачей, сидящих на корточках. Только они обычно имели на себе брюки. У этих же брюки были спущены. Некоторые курили.

Справа, на уровне моего розового ушка, из крана капнула вода. Из умывальника с жужжанием поднялось несколько жирных мух. Я нерешительно потоптался и нервно вытер вспотевшие ладошки о новенькие голубые штаны-бананы. Штаны мне сшила молодая модница Вера И., дочка другой маминой подруги. Усачи повернули недружелюбные носы в мою сторону, этот джентльменский клуб явно не хотел меня принимать. Сглотнув, я